

Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции

Дмитрий Ю. Доронин

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы, Москва, Россия;

demetra2@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена генезису и локальным традициям народной рукодельной иконы советского времени на юго-западе Нижегородской области, выявленным в ходе научных экспедиций 2021 г. Описаны специфические черты декора и техник оформления в каждой традиции. Для Кулебакско-Гремячевской традиции характерны иконы, украшенные серебристой фольгой с обилием мелких элементов – фольговых, бумажных цветочков, гроздей парафиновых ягодок. Это яркие черты так называемого «деревенского» стиля. Основная техника нанесения орнамента на фольгу (сотообразный, мелкобугорчатый, растительный) – отпечаток по металлической основе-матрице. Для Арзамасской традиции – характерен строгий, с лаконичным декором «городской» стиль: цветочков и ягодок нет, орнамент на серебристую фольгу наносился чеканкой. В другом типе «городской» иконы фольга не использовалась вовсе, мастер делал оклад из дерева, напыляя на него бронзовую краску «под золото». Для Дивеевской и Ташино-Понетаевской традиций характерно более яркое оформление: оклады и мелкие элементы из фольги разных цветов, геометрические и растительные орнаменты прорисовывались стилем. Часто повторяющиеся образы – виноград и многолучевые «звезды», напоминающие крупные элементы мордовской вышивки. Ардатовская традиция являлась контактной зоной западного, северного и восточного стилей советской иконы. Выявленные визуальные и технические особенности локальных традиций обнаруживаются в описаниях дореволюционного промысла фолежной иконы – так называемых подфолежек. В статье поставлен вопрос о генезисе нижегородских иконных традиций, их связи с промыслом фолежных икон в монастырях и «расхожих» артельных образцов, изготовлявшихся мастерами-иконниками Вязниковского уезда Владимирской губернии (с. Мстёра, Холуй, Палех) в XIX – начале XX в.

© Доронин Д.Ю., 2022

Ключевые слова: икона, иконный промысел, расхожая икона, рукодельная икона, фолежная икона, подфолежная икона, советская икона

Для цитирования: Доронин Д.Ю. Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 70–93. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-70-93

Soviet icons of the Nizhny Novgorod Southwest region. Genesis and local traditions

Dmitriy Yu. Doronin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia; demetra2@mail.ru*

Abstract. The paper deals with the genesis and local traditions of handmade icons of the Soviet era in the Southwest of the Nizhny Novgorod region. It is based on the material from the expeditions carried in 2021. The Kulebak-Gremyachevsky tradition is characterized by Soviet icons decorated with silver foil with an abundance of small elements: foil and paper flowers, clusters of paraffin berries. Those are typical features of the so-called 'rustic' style. The main technique of applying an ornament to foil (honeycomb-shaped, finely-rounded, vegetable) is an imprint on a metal matrix base. The Arzamas tradition is characterized by a strict, laconic 'urban' style: there are no flowers and berries, the ornament on silver foil was minted. In another type of 'urban' icon, foil was not used; instead the masters made a wooden frame and covered it with bronze ('golden') paint. For Diveevskaya and Tashino-Ponetaevskaya traditions, a brighter design is characteristic: the frames and small elements were made of foil of different colors, and geometric and floral ornaments were drawn with a stylus. Frequently recurring images are grapes and multipath 'stars' resembling large elements of Mordovian embroidery. The Ardatov tradition was a contact zone of the western, northern and eastern styles of the Soviet icon. The author traces the revealed visual and technical features in the descriptions of the pre-revolutionary (before 1917) Russian craft of creating the foil (*folezhnyye*, *podfolezhki*) icons and the cheap (*raskhozhaya*) icons made by icon masters in the Vyaznikovsky district of the Vladimir province (villages Mstyora, Kholuy, Palekh) in the 19th century – early 20th centuries.

Keywords: icon, icon tradition, icon craft, master of icons, *obrazovnik*, *iconnik*, common (*raskhozhaya*) icon, handmade icon, foil (*folezhnaya*) icon, *podfolezhnaya* icon, *folezhka*, soviet icon, prison icon, monastic icon, Nizhny Novgorod region, Kholuy, Palekh, Mstyora

For citation: Doronin, D.Yu. (2022), "Soviet icon of the Nizhny Novgorod Southwest. Genesis and local traditions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 70–93, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-70-93

В июле–декабре 2021 г. Центром визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ, при участии студентов факультета культурологии РГГУ и сотрудников Лаборатории теоретической фольклористики РАНХиГС было организовано три экспедиции в юго-западную часть Нижегородской области (Ардатовский, Арзамасский, Дивеевский, Первомайский районы и сельская территория городского округа Кулебаки). Главная задача этих поездок состояла в исследовании народных рукодельных икон советского времени – в фокусе внимания было как многообразие локальных традиций их изготовления, так и ритуальные контексты, а также семейные и ремесленные нарративы, связанные с этими моделными образами. Экспедиции привели к оформлению исследовательской программы (руководители – Д.И. Антонов и Д.Ю. Доронин), первыми результатами которой стала выставка отреставрированных советских икон нашей коллекции в РГГУ (февраль 2022 г.), а также публикация ряда статей и монографии [Антонов, Доронин 2022a; Антонов, Доронин 2022b; Антонов, Тюнина 2022a; см. также статью Д.И. Антонова и С.М. Тюниной, публикуемой в этом выпуске журнала].

В этой статье я хотел бы обратиться к проблеме локальных традиций фолежной иконы, их стилевых и технологических особенностей на нижегородском юго-западе – одном из важнейших регионов их создания и бытования в советские годы. Нас также будет интересовать происхождение этих традиций и вопрос о возможных предтечах фолежных икон советского времени.

«Советская икона»: семантика и социальный контекст понятия

Описание локальных традиций необходимо предварить кратким пояснением относительно того, что мы имеем в виду под «советской иконой» и почему считаем необходимой эту понятийную конструкцию.

В самом общем виде к интересующему нас типу кустарной иконы можно отнести рукодельные иконы, создаваемые в СССР 1920–1990-х гг. мастерами-одиночками нелегально, у себя на

дому. Такие иконы создавались по принципу бриколажа: моленный образ (писанный, литографический или фотографический) помещался под стекло внутрь самодельного деревянного киота и декорировался чаще всего фольгой и/или бумажными цветами и другими мелкими элементами декора. Фольговый оклад имитировал, с одной стороны, богатые ризы храмовых образов, а с другой – дореволюционные образцы поточной продукции иконников-артельщиков, дешевые, но также украшенные «под серебро». Фольгу могли орнаментировать разным способом: чеканкой, отпечатком по металлической основе-матрице, прорисовыванием рисунка стилем или выбиванием орнамента в ажурной просечной технике.

Промысел недорогих фолезных (декорируемых фольгой) икон описан в этнографических и искусствоведческих публикациях с XIX в.¹ Известны фолезные образы и в постсоветское время: в Воронежской, Липецкой, Тамбовской и некоторых других, более южных областях РФ они изготавливаются до сих пор [Веретенникова 2006; Горюшкина 2021; Стомаченко 2003]. Однако при всей внешней схожести, фолезные иконы дореволюционного, советского и постсоветского времени являются совершенно разными социальными феноменами и отличаются в плане материалов. До революции имело место артельное и даже фабричное производство икон с обширной географией их распространения благодаря путешествующим торговцам-офеням, благодаря торговле на ярмарках, в иконных лавках и т. п. В советские годы созданием икон занимались нелегалы-одиночки (мастера-образовники, киотники, фотографы в фотоателье), а распространение было затруднено и часто предполагало теневые схемы (например, в электричках). Материалы, использовавшиеся мастерами, необходимо было доставать совсем другими способами, в условиях дефицита. Нередко мастера использовали для украшения икон специфические подручные средства, производившиеся исключительно в советскую эпоху (обложки толстых школьных тетрадей, раскрашенную фольгу советских молокозаводов или пионерские галстуки). Именно это – дефицит,

¹ Гольцшев И.А. Производство фольговых икон в сл. Мстере // Владимирские губернские ведомости. 1871. № 47. С. 1–4; Он же. О фольговых иконах // Владимирские губернские ведомости. 1874. № 3. С. 1–2; Он же. Фолезное заведение в сл. Мстере // Владимирские губернские ведомости. 1880. № 31. С. 1–2; Добровольский Н.А. О кустарных промыслах Курской губернии. Курск: Тип. губернского земства, 1885. Т. 2. С. 127–135; Н.Н.Е. Иконопись и выделка медноотливных и фольговых икон во Владимирской губернии // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. Часть неофициальная. 1878. № 16. 29 апр. С. 3–4.

специфика многих материалов и нелегальность – позволяет нам говорить об иконах советской эпохи как о типичных «советских вещах», создававшихся из подручных средств, как правило, сложно доставаемых, вымениваемых и т. п. В качестве аналогии можно привести советский дачный домик, самодельную модную одежду или даже отечественный автомобиль, для создания, поддержания или «пересотворения» которых человеку советского времени приходилось проявлять чудеса изворотливости в поиске необходимых материалов или запасных частей. Подобным же сложным образом создавалась и «советская икона»: фольгу выносили с молочных заводов, на киоты шли ящики из-под гвоздей, вымениваемые у продавцов в магазинах сельхозпотребкооперации и т. д.

Социальный аспект постсоветской фолежной традиции тоже сильно отличен от кустарного изготовления икон в советское время: здесь нет ни дефицита материалов, ни нелегального статуса их поставщиков и мастеров-образовников, ни теневых связей между ними и покупателями. Иными словами, используя понятийный оборот «советская икона», мы ориентируемся на уникальность и социальных отношений, и самих материалов, определявших создание и распространение икон в советские десятилетия. В этом плане мы оказываемся близки к антропологической традиции исследования советской материальности, для которых наиболее значимым является социальная экономика и биография вещи².

Предтеча советской иконы: фольга и цветы вязниковских богомазов

Расцвет советской фолежной иконы в исследуемом нами регионе приходится на 1960-е гг. Именно тогда, с модернизацией молочной промышленности страны, сельские мастера-образовники получили в изобилии толстую, удобную для чеканки и тиснения широкую фолежную ленту (сырье для фольговых крышечек молочных бутылок). Однако советский кустарный промысел не возник на пустом месте: как уже было сказано, фолежная икона существовала и раньше.

До революции в иконописных и окрестных селах Вязниковского уезда Владимирской губернии работали десятки фольгоуборочных

² [Архипова, Кирзюк 2020; Golubev 2020], см. также: *Соснина О.А., Ссорин-Чайков Н.В.* Дары вождям: [Каталог выставки]. М.: Пинакотекa, 2006.

мастерских и фольгопрокатных заведений, производивших фольгу для иконного промысла. Значимыми центрами артельного производства фольжных икон были Холуй, Палех и, особенно, Мстера. Уже с XVII в. в иконных мастерских утвердилось изготовление икон мануфактурным способом [Брюсова 1984, с. 6–7]. Наиболее распространенной разновидностью массовых дешевых («расхожих») икон с фольговым окладом были так называемые подфольжные иконы (подфольжницы), на которых прописывали только лики, руки и ступни святых, а фигуры намечали по дощечке контуром и сразу закрывали фольговым окладом. Массовое изготовление дешевых, популярных среди крестьян подфольжек было особенно развито в Богоявленской слободе Мстеры до середины XIX в. Такие образа офени-иконники скупали у мастеров крупными партиями и распространяли их на возах, а позже отвозили по железной дороге в отдаленные концы империи, включая Сибирь, Польшу и Кавказ, а также за ее пределы – в страны восточной Европы и на Балканы³.

Самые ранние описания фольжной технологии принадлежат Ивану Александровичу Гольшеву (1838–1896), автору и издателю литографических и краеведческих работ, этнографу и археологу-любителю, выходцу из мстерских крепостных крестьян-иконописцев. В статье от 1865 г. он дает первую типологию икон вязниковских мастеров, отмечая, что дешевые подфольжные образы очевидным образом подражают более дорогим поддуборным и подризным храмовым иконам. Автор дает их первое словарное описание: «Иконы подфольжные. Образа разных размеров в деревянных, окрашенных красной краской, киотах за стеклами, убранные ризами из разноцветной фольги (латуни) с колонками, арабесками и другими украшениями, на этих иконах только пишутся лица, руки и ноги, а остальное все закрывается фольговой ризой, цена за 100 икон десятерик от 25 до 30 руб. сер.; цена разная, сообразно с величиною икон. Образа живописные, красные подфольжные более расходятся в Малороссии»⁴. «Кругом иконы наклеены колонки, арабески, рам-

³ Гольшев И.А. Богоявленская слобода Мстера Владимирской губернии, Вязниковского уезда: История ея, древности, статистика и этнография // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир: Губернская типография, 1865. Вып. 4. С. 77–78; Баранов В.В. Мстера: Развитие иконного дела в Мстере // Православная энциклопедия. Т. 47. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2017. См. также: [Дубровский, Дубровский 2008].

⁴ Гольшев И.А. Богоявленская слобода Мстера Владимирской губернии, Вязниковского уезда: История ея, древности, статистика и этнография. С. 101–102.

ки, орнаменты, наугольники, все это помещено в киотку, окрашенную малиновой краской и закрыто стеклом», – уточняет он в своем описании в более поздней публикации⁵. Исследователь советской иконы узнает здесь многие элементы ее фольгового убранства – те же орнаментированные уголки (наугольники в терминологии Голышева), колонки и рамки, закрепленные вокруг средника в киоте.

Создатели дореволюционных икон-«фолежек», как и будущие советские кустари, использовали фольгу разных цветов: белую, серебристую, желтую, золотистую, малиновую, зеленую, цветную, «с вытесненными на ней цветами и травами»⁶. «Есть одно заведение в Мстере, где ризы из фольги не чеканят, а вытискивают посредством прессы с вырезанных стальных досок. Этот промысел проник и в соседние деревни», – читаем мы далее в очерке И.А. Голышева⁷. Похожая технология оттиска по металлической матрице с орнаментом существовала в советские десятилетия в Кулебакско-Гремячевской традиции советской иконы на юго-западе Нижегородской области.

В своем очерке от 1871 г. И.А. Голышев отмечает, что «производство фольговых икон началось недавно» и что «лет 20–30 тому назад спрос на эти иконы был очень велик», но затем их продажа была запрещена «вследствие слишком дурной работы их; в настоящее время спрос на них снова стал значительно усиливаться»⁸. Как мы увидим ниже, фолежные иконы и впоследствии, вплоть до наших дней, то на время «отступали на задний план», теснимые отчасти запретами, отчасти другими типами моленных образов, то вновь обретали популярность.

Считается, что технологические нововведения, позволявшие ускорить изготовление иконы, первыми освоили палехские мастера, и именно в Палехе появилась фолежная технология [Вальчак, Никольский 2020]. К концу XIX в. и здесь, и в Мстере производилось по миллиону и более расхожих икон в год [Вальчак 2019]. По данным врача, антрополога и автора этнографических исследований, в том числе по Владимирской губернии, Ивана Ивановича Пантюхова (1836–1911) в 1870-е гг. мастерами села Холуй выделялось в год до 200 тыс. подфолежных моленных образов [Пантюхов 2007, с. 89].

«Иконы под стеклом и иконы подфолежные подрывают сбыт икон, которые пишутся на досках», – писал И.А. Голышев⁹. «В последнее время фольговые иконы стали значительно вытеснять

⁵ Голышев И.А. Производство фольговых икон в сл. Мстере. С. 2.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Там же. С. 2, 4.

⁹ Там же. С. 2.

обыкновенные. Убранные фольгой иконы гораздо красивее простых, а потому гораздо привлекательнее для народа», – вторил ему аноним Н.Н.Е. на страницах Санкт-Петербургского «Церковного вестника»¹⁰. «Фолежные иконы представляют наибольшую выгоду, а пёстрый их наряд нравится населению южных губерний, в которых распродают преимущественно свой товар офени», – замечал Н.П. Кондаков¹¹.

Однако к концу XIX в. рынок фольжной иконы был потеснен еще более массовыми и популярными в народе моленными образами, выполненными технологией хромолитографии по бумаге или жести. Возникают гибридные формы расхожей иконы – артельные подфолежницы на основе не писаных, а хромолитографических образов на бумаге или жести. «В иных местах доски с надписанными на них ликами и руками заменяются печатными картинками, которые потом убирают фольгой», – писал И.А. Гольщев¹². Анонимный автор очерка, подписавшийся аббревиатурой Н.Н.Е., добавлял следующее: «В окрестностях Мстерской слободы иконы не пишутся, а печатаются, фольговые же ризы выдавливаются стальными досками; подобные иконы очень дешевы и сотнями тысяч разносятся ежегодно по всей России»¹³.

До 1880-е гг. вязниковские мастера-иконники покупали фольгу в Москве и на Нижегородской ярмарке¹⁴. Но в ситуации конкуренции с другими массовыми видами икон (прежде всего печатными) далекая закупка сырья вызывала определенные экономические сложности в дальнейшем развитии промысла: «Производство фольговой иконы требует больших сумм и затрат, так как производить их, без приспособлений, невыгодно и нужно обставить дело так, чтобы иметь близко выделку фольги или иметь подряд с фольгопрокатным заведением, свое заведение для выделки киотов, в которые эти иконы вставляют за стеклом, и пр.»¹⁵. Поэтому спу-

¹⁰ *Н.Н.Е.* Иконопись и выделка медноотливных и фольговых икон во Владимирской губернии. С. 3.

¹¹ *Кондаков Н.П.* Современное положение русской народной иконописи. СПб.: Тип. Скороходова, 1901. С. 17.

¹² *Гольщев И.А.* Производство фольговых икон в сл. Мстере. С. 3.

¹³ *Н.Н.Е.* Иконопись и выделка медноотливных и фольговых икон во Владимирской губернии. С. 3.

¹⁴ *Гольщев И.А.* Богоявленская слобода Мстера Владимирской губернии, Вязниковского уезда. История ея, древности, статистика и этнография. С. 77.

¹⁵ *Кондаков Н.П.* Современное положение русской народной иконописи. С. 15.

стя несколько десятилетий в иконописных селах Вязниковского уезда появляются собственные фольгопрокатные предприятия, зачастую оснащенные передовыми на тот момент механическими и химическими технологиями, например, гальванопластикой в заведении И.Е. Мумрикова в Мстере¹⁶. А первое, открывшееся в 1885 г. фольгопрокатное заведение мстерского крестьянина Александра Евграфовича Фатьянова располагало паровой машиной в 8 сил, паровым котлом и освещением керосином, к 1890 г. на нем трудились 23 рабочих¹⁷. В «Отчетах и исследованиях по кустарной промышленности в России» значатся уже две мастерские фабрики, на которых выделяли медную и серебряную фольгу, золотили погалью бумагу и отдельно изготовляли киоты¹⁸.

Археолог, медиевист, управляющий делами Комитета попечительства о русской иконописи академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), исследовавший вместе с графом С.Д. Шереметевым состояние иконописного промысла в Мстере, Палехе и Холуе летом 1900 г., отмечал, что «в Мстере, кроме собственно иконописных мастерских, имеются фольгоуборные мастерские, фольговые заводы и ризочеканные заведения. Фольга выделяется здесь на двух фабриках, с паровыми двигателями, производящих не только для внутреннего употребления, но и для продажи на сторону. Фольгоуборных мастерских здесь 24 и ризочеканных до 10»¹⁹. В те годы именно фольгоуборочные заведения приносили наибольший доход, в то время как ризочеканные мастерские оказались наименее прибыльными²⁰.

В 1911 г. в Мстере зарегистрировано 58 предприятий, занятых в производстве икон. Одно из самых крупных из них было иконно-фольговое и клееночное заведение наследников Якова Петровича Козлова. Среди них были также и другие мастерские с двойным производственным функционалом, например, «киотные и фольгоуборные предприятия», а также три больших фольгопрокатных

¹⁶ Там же. С. 15–16.

¹⁷ Мстера: Художественная обработка металла // Любимый край Владимирский: Владимирское краеведение. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vjazniki/m/61-1-0-1970> (дата обращения 15.02.2022).

¹⁸ Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. Т. 5. С. 417.

¹⁹ Кондаков Н.П. Современное положение русской народной иконописи. С. 31. См. также: Леонтьев П.Ф. Иконопись // Материалы для оценки земель Владимирской губернии: Вязниковский уезд: Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1903. Т. 4. Вып. 3. С. 34.

²⁰ Баранов В.В. Мстера: Развитие иконного дела в Мстере. С. 545.

заведения – Василия Семеновича Крестьянинова, Петра Ивановича Мумрикова и наследников Александра Евграфовича Фатьянова. Как пишет мстерский краевед В.В. Борисов, здесь производилась фольга для украшения икон, а также (у В.С. Крестьянинова) сами иконы, киоты и лампы, продукцию реализовывали в Москве и на Нижегородской ярмарке. Производство постоянно нарастало, и к 1916 г. оно оценивалось земством в 40 904 рублей. Наследники Фатьянова к 1908 г. производили в год фольги на сумму около 39 тыс. рублей [Борисов 2003].

И.А. Голышев приводил сведения и о материалах для киотов вязниковских икон (на начало 1870-х): «Доски и киотки для фольговых икон работают в с. Пурехе Нижегородской губ. и соседних с ним деревнях Костромской губ. Макарьевского уезда, кроме того доски и киотки работают в самой слободе Мстере местными столярами. Привоз досок главным образом сосредоточивался на зимних базарах Холуя, Палеха и Мстеры»²¹. Это, как и приведенные выше сведения о торговле иконами и фольгой на Нижегородской ярмарке, свидетельствует о тесных взаимосвязях между разными мастерскими людьми в иконном промысле Владимирской и Нижегородской губерний. Дорогами этих взаимодействий были как сухопутные тракты (Муромский, Арзамасский и пр.), так и речные пути по Оке, Луху, Тезе и Клязьме. Однако уже к 1911 г. в той же Мстере работали 4 собственные киотные мастерские, которыми владели П.И. Мумриков, И.П. Демидов, Д.Г. Морозов и Ф.В. Кибирев [Борисов 2003].

Помимо фольги, важным, узнаваемым элементом декора классической советской иконы на юго-западе Нижегородской области являются цветочки, изготавливаемые (нарезкой, скруткой и пр.) из оберточной или креповой (гофрированной) бумаги. Как свидетельствуют описания уже неоднократно цитированных выше авторов, такая технология тоже была распространена в XIX – начале XX в. «Иконы большой величины и цены украшаются даже искусственными цветами», – читаем у Голышева²². «Иногда иконы убираются искусственными цветами, все это вкладывается в киотку, окрашенную малиновой краской», – обнаруживаем в очерке у Н.Н.Е.²³ Занятие это было по преимуществу женским или детским, но иногда ему посвящали себя и взрослые мужчины, зарабатывая при этом

²¹ Голышев И.А. Производство фольговых икон в сл. Мстере. С. 3; Леонтьев П.Ф. Иконопись. С. 27.

²² Голышев И.А. Производство фольговых икон в сл. Мстере. С. 2.

²³ Н.Н.Е. Иконопись и выделка медноотливных и фольговых икон во Владимирской губернии. С. 3.

«больше, нежели на обыкновенных иконах»²⁴. Женщины, задействованные в этом ремесле, выделялись в отдельную мастеровую группу и назывались «уборщицами»: они крутили цветы из бумаги, могли покрывать их фольгой. За день «уборщица» успевала украсить до 50 фолежных икон²⁵.

Н.П. Кондаков пишет о том, что на 24-х фольгоуборных мастерских в Мстере работают преимущественно женщины и дает прекрасное описание работы таких «уборщиц»: «Нам показали, как убирают икону: взялись две женщины, одна работала, другая только подавала. На приготовленной дощечке сперва поместили фольговый лист, заранее разделанный чеканным шаблоном и представлявший наколом рисунок образа Богоматери с Младенцем, его приклеили, затем по сторонам наклеили оклад из листков, орнаментированных узорами, с необыкновенной ловкостью загибая и укладывая все это в углах киота и заполняя, наконец, их цветами. В какие-нибудь пятнадцать минут, нарядная и блиставшая пестро и ярко, икона была готова. Еще проще и еще грубее и дешевле уборные иконы из золоченой бумаги»²⁶.

Судя по данным 1870-х гг., поначалу это было прибыльным ремеслом, поскольку на фолежные украшенные цветами иконы был хороший спрос. Так, И.И. Пантюхов написал в своем очерке (1877 г.): «Выделкою фольговых икон, спрос на которые в последнее время особенно велик, занимаются преимущественно женщины. Три мастерицы, разделяя труд, сделают их в год (260 рабочих дней) от 2000 до 10 000, смотря по размеру. Заработная плата женщин производится тоже по количеству сделанных икон и колеблется между рублём и тремя в месяц» [Пантюхов 2007, с. 91].

Однако в начале XX в. ситуация серьезно изменилась: занятие «уборщиц» стало стремительно обесцениваться, наступил кризис иконного фолежного ремесла. П.Ф. Леонтьев и Н.П. Кондаков приводят подробные данные о снижении качества и стоимости фолежек и анализируют различные причины кризиса: перенасыщение рынка, сбивание цены офенями, удешевление и порча расходных материалов, поглощение более мелких иконных предприятий крупными заводчиками, снижение популярности подфолежных плохо писанных иконок, неприятие со стороны священства, конкуренция фолежек с монастырскими иконами, а также с печатными иконами по бумаге и жести. Ремесло обря-

²⁴ Гольшев И.А. Производство фольговых икон в сл. Мстере. С. 3.

²⁵ Баранов В.В. Мстера: Развитие иконного дела в Мстере. С. 545.

²⁶ Кондаков Н.П. Современное положение русской народной иконописи. С. 16.

жения иконы стало довольно быстро переходить от артельного в форму деревенского промысла²⁷.

Неясно, как бы сложилась в очередной раз судьба фолежного иконного промысла, если бы не революционные события с последующими антирелигиозными кампаниями в СССР. Как заключает В.В. Баранов, эти события «прервали естественный ход эволюции позднего отечественного иконописания». Известно, однако, что недорогие моленные образа писали в той же Мстере и в первые годы советской власти. А в 1920-е гг. исследователями был зафиксирован небольшой ренессанс подфолежных икон за счет спроса в Украине и Сибири²⁸.

Монастыри и локальные традиции советской иконы

Мы очертили вкратце исторический путь артельной традиции фолежной иконы в Вязниковском уезде Владимирской губернии. Безусловно, благодаря своей значимости и географической близости этот промысел должен был повлиять на будущее формирование традиций советской иконы нижегородского юго-запада. Однако дореволюционные артельные фолежки, вероятно, не были единственной предтечей фолежной иконы советского времени. Другим значимым источником была монастырская икона.

О влиянии монастырских мастерских на фолежную икону писали исследователи в XIX в.: так, например, по данным Н.А. Добротворского, иконный промысел монахинь Тихвинского монастыря (слобода Борисовка Курской губернии) повлиял на традиции деревенских иконников Курской, Харьковской, Полтавской губерний. Монастырские иконы распространялись еще шире по югу губернии, вплоть до Киева, Одессы и Кавказа²⁹. Влияние иконного промысла Свято-Троицкого монастыря на формирование промысла в Холуе предполагал, в частности, И.А. Гольшев³⁰.

²⁷ Там же. С. 16–27. См. также: *Леонтьев П.Ф.* Иконопись. С. 27, 46–48.

²⁸ *Захаров М.А., Скипетров А.М.* Кустарные промыслы пос. Мстера в их прошлом и настоящем // Мстерский край: Сб. краевед. материалов. Владимир, 1929. С. 63. См. также: *Баранов В.В.* Мстера: Развитие иконного дела в Мстере. С. 544.

²⁹ *Добротворский Н.А.* О кустарных промыслах Курской губернии. С. 127–135.

³⁰ *Гольшев И.А.* Богоявленская слобода Мстера Владимирской губернии, Вязниковского уезда: История ея, древности, статистика и этнография. С. 76–77.

Монастыри юга и юго-запада Нижегородской губернии на рубеже XIX–XX вв. тоже имели фольгоуборные мастерские. В разных сводках с описанием монастырского хозяйства можно прочесть, например, про Спасо-Зеленогорский женский монастырь – «украшение икон фольгой»; про Мало-Пицкий Скорбященский монастырь – «украшение икон фольгой и цветами»; про Выксунский Иверский и Кутузовский Богородицкий монастыри – также «украшение икон фольгой» [Медведева 2016, с. 254]. Вполне вероятно, что и в Нижегородском крае монастырские традиции убора фольгных икон могли повлиять на формирование локальных традиций советской иконы.

Даже после закрытия монастырей и большинства храмов на юго-западе Нижегородской области сохранялось несколько неофициальных центров народной религиозности. Произошло это прежде всего благодаря близости Саровской пустыни, Дивеевского монастыря и широкого комплекса святынь, связанных с Серафимом Саровским, одним из самых почитаемых в XX в. русских святых. Были в регионе и другие известные монастырские обители – Кутузовская рядом с Кулебаками, Серафимо-Понетаевская поблизости с Шатками, Большим и Малым Макателёмом и Сатисом, Покровский монастырь в п.г.т. Ардатове, Никольский, Спасо-Преображенский, Алексеевский, Введенский, Троицкий монастыри в г. Арзамасе.

Распущенные из обителей и вернувшиеся из ссылок монахини могли поселяться и доживать свой век в окрестных деревнях и селах. Некоторые из них становились неофициальными религиозными наставниками в сельской или деревенской общине советского времени: их приглашали, зачастую тайно, для участия в семейных обрядах – крещении ребенка, обмывании и отпевании покойника, проведения поминок и пр. Они же могли проводить обряды водосвятия, организовывать общинные крестные хода и молебны на родниках, например, во время засухи. Важная роль принадлежала монахиням и в распространении иконного промысла: некоторые деревенские мастерицы и мастера-образовники перенимали свое умение именно у них. Старая мастерица из с. Елизарьево Дивеевского района сообщила нам, что научилась «убирать» иконы от своего мужа, а тот перенял основные техники от пожилой монахини, которая проживала в соседнем селе. Похожие истории рассказывали нам и о мастерицах-инокинях из Кутузовского монастыря, который был razорен в советское время

Украшение икон фольгой было распространенным занятием при монастырских мастерских еще до революции: вероятно, уже на рубеже XIX–XX вв. здесь складываются разные стили, локальные

традиции фолежной иконы. После закрытия монастырей большевиками эти региональные стилевые различия могли повлиять на формирование нескольких художественно-ремесленных традиций советской иконы. Эти традиции окончательно оформились уже в советское время. В наших экспедициях по Нижегородскому юго-западу мы выявили пять таких локальных традиций. Они хорошо различимы благодаря характерным приемам мастеров. Как правило, можно определить и их центры – села, в которых работали наиболее известные образовники. Для удобства мы дали названия этим традициям, ориентируясь на эти села или районные центры.

Кулебакско-Гремячевская традиция в исследуемом нами регионе занимает крайне западное положение. Главным иконным центром, в котором работали мастера-надомники, был поселок городского типа Гремячево, церковь в котором не закрывалась почти всю советскую эпоху. Именно поэтому здесь устойчиво сохранялись и развивались православные традиции. Гремячево славилось крупной общиной глубоко верующих людей. Люди, умевшие украсить иконы, проживали и в окрестных селах – Тёплове, Ломовке, Кутузовке, Шилокше. В этих же селениях доживали свои дни монахини Кутузовского монастыря. Большое число входящих в область этой традиции сел располагаются компактной полосой вдоль старого Симбирского почтового тракта, по которому и сейчас попадаешь из Москвы в Муром, а затем, через Оку, в нижегородские Навашино, Кулебаки, села Ардатовского района и Арзамас. Вероятно, эта старинная дорога была одним из основных путей, по которому вместе с офенями печатные и фолежные иконы попадали из московских типографий и от артелей Вязниковского уезда на юг Нижегородской губернии.

В Кулебакско-Гремячевской традиции доминирует деревенский фолежный стиль оформления советской иконы с обилием мелких декоративных элементов (лыковых и бумажных цветочков, гроздей восковых/парафиновых ягодок). Оклады изготавливались из серебристой фольги, тисненной сотообразным или мелкобугорчатым рисунком. Тиснение производилось накладыванием и вдавливанием фольги на штемпельную основу с рельефным рисунком. Из той же фольги гремячевские мастера часто создавали вокруг фотографического или литографического образа рамку с красивым орнаментом в виде ряда округлых выпуклых бляшек. Таких рядов могло быть два или три. Фолежные цветы зачастую создавались из цветной фольги, взятой с молокозаводов. Образа с окладами такого типа распространены и по селам западной части Ардатовского района: к примеру, по рассказам жителей с. Туркуши, за иконами они часто обращались в Гремячево.

На примере этой традиции хорошо просматривается развитие промысла советской иконы – от ранних образцов, обильно оформленных цветами, листочками, подложками и другими декоративными элементами из лыка, до собственно фолежных икон зрелой советской традиции. Крупное село Гремячево в 1976 г. получило статус поселка городского типа: здесь был выстроен горно-обогатительный комбинат и микрорайоны городской застройки. Сюда переселялись специалисты из городов и райцентров. Вероятно поэтому, наряду с деревенскими фолежниками, в Гремячеве появились иконы, выполненные в более строгом городском стиле. Здесь работало сразу несколько мастеров-образовников, в том числе один переселенец, сын известной мастерицы из села Абрамово у Арзамаса. Так сложилось своеобразие местной традиции, где сочетались «деревенский» и «городской» стили советской иконы.

Ардатовская традиция советской иконы близка описанному выше деревенскому фолежному стилю, однако отходит от «канона» излюбленных художественных решений и техник гремяческих мастеров. Манера изготовления цветов становится более разнообразной, в орнаменте появляется мотив виноградной лозы, особенно распространенный в более восточной Ташино-Понетаевской традиции. Фолежный орнамент создавали не только тиснением по рельефной основе, но и прорисовывали стилем (например, авторучкой) – это характерный прием мастеров соседней Дивеевской традиции.

В северной части Ардатовского района (Мухтолово и близкие к нему селения) часто встречаются иконы арзамасских мастеров, что объясняется более тесной связью (через железную дорогу и старый тракт) этих мест с Арзамасом. Согласно собранным нами интервью, арзамасские образовники включали ардатовский север в свою ремесленную территорию. Сам Ардатов, его более южные и восточные села лежали в стороне от Симбирского почтового тракта. В них складывались свои традиции иконного дела, в которых ощутимо влияние гремячевских и дивеевских мастеров.

В самом Ардатове мы обнаружили ряд икон «тюремного» стиля. Они создавались из материалов, которыми не пользовались ни городские, ни сельские мастера – металлической стружки, мелко нарезанных медных проводов, витой проволоки в цветной изоляции, всё это могло густо заливаться лаком или эпоксидной смолой на манер янтаря. Вероятно, в Ардатове их изготавливали мастерицы из исправительной женской колонии № 18. Такие образы могли широко распространяться (вероятно, дариться в храмы и пр.) по югу Нижегородской области: они встречались нам в Гремячеве и в Первомайске.

Дивеевская традиция. Восточные села Ардатовского района (Автодеево, Хрипуново, Канерга, Большое и Малое Череватово и др.) расположены вблизи дороги на Дивеево. Вероятно, поэтому отличия ардатовских и дивеевских советских икон здесь минимальные, имеет место смешение или плавный переход традиций. Вместе с тем, в таких крупных дивеевских селах как Елизарьево, Суворово и Глухово мы снова обнаруживаем устойчивое, характерное для этого куста сел сочетание элементов и техник декора, на основе чего и выделяем дивеевскую традицию. Для нее также характерен деревенский стиль фолежной иконы, но более яркий по цвету и орнаменту. Прорисовыванием стилем по фольге здесь создавались разнообразными авторские орнаменты, напоминающие растительные мотивы росписи матрешек или наивной вышивки гладью. Обращались мастерицы и к геометрическому орнаменту – многолучевым звездам, множеству параллельных и ломаных линий. Возможно, в ярких цветах и таком геометрическом орнаменте – влияние или преемственность визуальной мордовской традиции. Известно, что местная мордва-эрзя окончательно ассимилировалась здесь (как и в соседних районах) только в XX в. Впрочем, это предположение требует дополнительных полевых исследований.

Излюбленным декоративным элементом были простые фолежные цветочки. Изготавливались также более крупные цветы из бумажной гофры и гроздья восковых ягодок (но не так обильно как в Кулебакско-Гремячевской традиции). Активно использовалась цветная (синяя, фиолетовая, «золотая» и пр.) фольга с молокозаводов – и для цветочков, и для рамки оклада. На закате традиции, в 1990–2000-е гг., цветочки делали из пластика, яркой синтетической материи и даже из пионерских галстуков. В этой традиции встречаются иконы и без цветочков, обрамленные лишь фолежным окладом, густо покрытым прорисованным геометрическим орнаментом. Здесь дивеевские мастерицы приближались к лаконизму городского арзамасского стиля.

Арзамасская традиция. Самый северный из исследованных нами регионов юга Нижегородской области. Его границы очерчиваются благодаря рассказам наших респондентов, арзамасских образцовиков – прежде всего, это села южных и западных окрестностей г. Арзамаса: Абрамово, Марьевка, Каменка, Хватовка, Мерлино, Водоватово, Туманово, Пятницы, Забелино, Красное, Выездное.

Традиция тяготела к более строгому и монотонному оформлению – чеканный оклад без цветочков либо деревянный оклад с напылением бронзовой краски («под позолоту»). Арзамасские мастера описывали такой стиль как «городской». Пестрое украшение иконы множеством декоративных элементов с их точки зрения традиция «деревенская».

Именно в Арзамасе мы обнаружили и единичные экземпляры икон, созданных совсем в другой, богатой художественной традиции. Это образцы редкого «монастырского» стиля, изобилующие мелкими филигранно выполненными цветочками, с включением засушенного мха, раскрашенных сухоцветов и перьев. Связь икон этого стиля с дореволюционными фолежными монастырскими образами все еще недостаточно изучена. С одной стороны, вероятнее всего, что попавшие в нашу коллекцию несколько икон были созданы уже в советское время – монахинями в миру или под их влиянием. Это можно заключить по тому, что для декора используют и более современные материалы, нежели дореволюционного типа. С другой стороны, вполне логично предположить, что техники этого «монастырского» стиля наследуют через монахинь дореволюционным монастырским традициям украшения икон. Как бы там ни было, «монастырский» стиль продолжает развиваться в советскую эпоху и может быть рассмотрен как разновидность фолежной иконы советского времени.

Ташино-Понетаевская традиция. Излюбленный мотив мастеров этой самой восточной из изученных нами традиций – виноградная лоза. Гроздья и листья винограда тиснят по серебристой или «золотой» фольге оклада либо вырезают из фольги, закрепляя вокруг образа в киоте. Другой частый элемент этих икон – крупные одиночные узоры (геометрические или цветочные) на фольговых уголках оклада. В качестве украшений мастера могли использовать засушенные растения. Из уже описанных нами традиций дивеевские и ташино-понетаевские иконы являются наиболее яркими и цветастыми. Вполне возможно влияние на них монастырских техник декорирования, которые были скопированы мастерицами. В область традиции можно отнести селения, расположенные недалеко от Серафимо-Понетаевского монастыря: в Первомайском (Сатис, Березино, Макателём, Шутилово и др.) и Шатковском (Понетаевка, Кардавилъ и др.) районах.

Локальные традиции советской иконы не имеют четких географических границ: например, в селах мастеров Кулебакско-Гремячевской традиции нами были обнаружены иконы городского арзамасского стиля. Мастера могли менять место жительства, переезжая в другой район, иконы могли попадать в село из города или вместе с просватанными из других мест невестами. В этом случае мы обнаруживаем в кусте деревень рукодельные иконы «чужой» ремесленной традиции, но их всегда меньшинство. Вопрос о генезисе локальных нижегородских традиций требует дальнейших экспедиционных изысканий – бесед с еще живущими мастерами или их младшими родственниками, подробного обследования

(с описанием и фотофиксацией) по возможности всех домашних икон в селах интересующего нас региона. К настоящему моменту мы сформировали фотобазу из нескольких сотен таких моленных образов, однако обследованы пока не все села. Вполне вероятно, что будущие экспедиции позволят дополнить список локальных традиций советской иконы, особенно к северу и к востоку от уже изученной нами территории. Вопрос о взаимном влиянии разных локальных традиций и влиянии на них дореволюционного (артельного и монастырского) промысла фолежной иконы относится к числу наиболее интересных перспектив нашего дальнейшего исследования.

*Рис. 1. Фолежная советская икона
Кулебакско-Гремячевской традиции, классический монохромный тип.
Кладбищенская часовня в с. Тёплово гор. округа Кулебаки
Нижегородской обл., июль 2021 г.
Фото Ю.П. Корчагиной*

*Рис. 2. Николай Мирликийский.
Фолежная советская икона Ардаатовской традиции, п.г.т. Ардаатов,
Нижегородская обл., ноябрь 2021 г.
Фото М.Р. Майзульса*

*Рис. 3. Преподобный Серафим Саровский, кормящий медведя.
Фолежная советская икона Дивеевской традиции:
геометрический прорисованный стилем орнамент
по монохромному фольговому окладу.
Икона из красного угла в одном из домов с. Суворово,
Дивеевского района Нижегородской обл., сентябрь 2021 г.
Фото С.М. Тюниной*

Рис. 4. Фолежная советская икона городской Арзамасской традиции: чеканный орнамент по монохромному фольговому окладу, работа образовников из с. Абрамово. Свято-Николаевский женский монастырь, г. Арзамас, ноябрь 2021 г. Фото Д.Ю. Доронина

Рис. 5. Богоматерь Милующая. Рукодельная икона монастырской традиции: богатый растительный декор из филигранно выполненных рукодельных цветочков и засушенных трав и мха. Свято-Николаевский женский монастырь, г. Арзамас, сентябрь 2021 г. Фото М.Р. Майзульса

*Рис. 6. Великомученица Агриппина.
Фолежная советская икона Ташино-Понетаевской традиции.
Крупный тисненый рисунок в форме многолучевой звезды
часто встречается на «уголках» фолежного оклада икон этой традиции.
Часовня у источника, с. Шутилово Первомайского района
Нижегородской обл., ноябрь 2021 г.
Фото М.Р. Майзульса*

Литература

- Антонов, Доронин 2022a – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Иконы советской эпохи: лики традиции. М.: Индрик, 2022. 200 с.
- Антонов, Доронин 2022b – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Советская икона: от рождения до «похорон» // Живая старина. 2022. № 1. С. 29–33.
- Антонов, Тюнина 2022a – Антонов Д.И., Тюнина С.Ю. Утилизация освященных предметов: тексты и комментарии // Живая старина. 2022. № 1. С. 24–29.
- Архипова, Кирзюк 2020 – Архипова А.С., Кирзюк А.А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.
- Борисов 2003 – Борисов В.В. Промышленные и торговые заведения слободы Мстеры в 1911 году // История населенных мест Владимирской области: Материалы областной краеведческой конференции. Владимир, 2003.
- Брюсова 1984 – Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984. 337 с.
- Вальчак 2019 – Вальчак Д. Как воспитать «просвещенных» иконописцев? Учебные иконописные мастерские Комитета попечительства о русской иконописи

- (1901–1918) // *Studia Humanitatis*. 2019. № 3. URL: <http://sthum.ru/node/813> (дата обращения 15.02.2022).
- Вальчак, Никольский 2020 – Вальчак Д., Никольский Е.В. От иконописцев до ремесленников, или Как после Октябрьской революции палехские мастера превратились в производителей сувениров // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. URL: <http://st-hum.ru/node/887> (дата обращения 15.02.2022).
- Веретенникова 2006 – Веретенникова С.В. Из опыта работы кружка православного рукоделия // *Традиции и современность*. Науч. православ. Журнал. 2006. № 4. С. 166–167.
- Горюшкина 2021 – Горюшкина Л.П. Украшение икон: люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.) // *Деревенские святыни: сб. статей, интервью и документов* / Публ. подгот. Е.В. Воронцова, А.Н. Алленов, В.С. Елагина, Е.А. Коршикова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. С. 59–66.
- Дубровский, Дубровский 2008 – Дубровский П.С., Дубровский С.П. Офеникончики во Владимирской губернии // *Рождественский сборник*. Вып. 15 / Под общ. ред. О.А. Монаковой; сост. И.Н. Зудина, О.А. Монакова. Ковров: Маштекс, 2008. С. 104–109.
- Медведева 2016 – Медведева А.А. Народные промыслы в женских монастырях Нижегородской епархии в XIX – начале XX века // *Народные промыслы и малый бизнес: грани интеграции и стратегия развития*. М.: Ин-т диаспоры и интеграции (Ин-т стран СНГ), 2016. С. 247–255.
- Пантюхов 2007 – Пантюхов И.И. Селение Холуй. Изд.: Санкт-Петербург, 1877 г. Печатается с сокращениями // *Пожарский юбилейный альманах*. Вып. 3. К 460-летию первого письменного упоминания села Холуй / Ред.-сост. А.Е. Лихачев. Иваново: Талка, 2007. С. 82–100.
- Стомаченко 2003 – Стомаченко К.В. Народный обычай фолежного обряжения икон: По полевым наблюдениям в Воронежской и Липецкой областях // *Традиции и современность: Науч. православ. журнал*. 2003. № 2. С. 98–102.
- Golubev 2020 – Golubev A. The things of life. Materiality in late Soviet Russia. Ithaca: Cornell University Press. 2020. 240 p.

References

- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2022), *Ikony sovetskoj epohi: liki tradicii* [Icons of the Soviet era. Faces of tradition], Indrik, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2022), “The Soviet icon. From birth to ‘funeral’”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 29–33.
- Antonov, D.I. and Tyunina, S.Yu. (2022), “Utilization of consecrated objects. Texts and comments”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 24–29.
- Arhipova, A.S. and Kirzyuk, A.A. (2020), *Opasnye sovetskie veshchi. Gorodskie legendy i strahi v SSSR* [Dangerous Soviet things. Urban legends and fears in the USSR], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

- Borisov, V.V. (2003), "Industrial and commercial establishments of the settlement of Mstyora in 1911", *Proceedings of the regional local history conference "The history of settlements in the Vladimir region"*, Vladimir, Russia.
- Bryusova, V.G. (1984), *Russkaya zhivopis' XVII veka* [Russian painting of the 17th century], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Dubrovsky, P.S. and Dubrovsky, S.P. (2008), "Pedlars-icon-makers in the Vladimir province", *Rozhdestvenskii sbornik*, vyp. 15 [Christmas collection, issue 15], Kovrov, Russia, pp. 104–109.
- Golubev, A. (2020), *The things of Llife. Materiality in late Soviet Russia*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Goryushkina, L.P. (2021), "Decoration of icons. People and traditions (based on the materials of the Tambov expedition 2018–2020)", in Vorontsova, E.V. (ed.), *Derevenskie svyatyini: sbornik statei, interv'yū i dokumentov* [Village shrines: collection of articles, interviews and documents], Publishing House of PSU, Moscow, Russia, pp. 59–66.
- Medvedeva, A.A. (2016), "Folk crafts in the Convents of the Nizhny Novgorod diocese in the 19th – early 20th century", *Narodnye promysly i maliy biznes: grani integratsii i strategiya razvitiya* [Folk crafts and small business. Facets of integration and development strategy], Moscow, Russia, pp. 247–255.
- Walczak, D. and Nikol'skii, E.V. (2020), "From icon painters to artisans, or how, after the October revolution, the Palekh masters turned into souvenir producers", *Studia Humanitatis*, no. 1, available at: URL: <http://st-hum.ru/node/887> (Accessed 15 Feb. 2022).
- Pantyukhov, I.I. (2007), "The village of Kholuy. Edition: St. Petersburg, 1877. Abridged", *Pozharskii yubilejnyi al'manah: k 460-letiyu pervogo pis'mennogo upominaniya sela Holuj*, vyp. 3 [Pozharsky jubilee almanac. Issue. 3. Towards the 460th anniversary of the first written mention of the village of Kholuy], Talka, Ivanovo, Russia, pp. 82–100.
- Stomachenko, K.V. (2003), "The folk custom of the folezhny rite of icons: According to field observations in the Voronezh and Lipetsk regions", *Tradicii i sovremennost'*, no. 2, pp. 98–102.
- Veretennikova, S.V. (2006), "From the experience of the Orthodox needlework circle", *Tradicii i sovremennost'*, no. 4, pp. 166–167.
- Walczak, D. (2019), "How to educate 'enlightened' icon painters? Educational icon Painting workshops of the Committee of Guardianship of Russian Icon Painting (1901–1918)", *Studia Humanitatis*, no. 3, available at: <http://st-hum.ru/node/813> (Accessed 15 Feb. 2022).

Информация об авторе

Дмитрий Ю. Доронин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119606, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; demetra2@mail.ru

Information about the author

Dmitriy Yu. Doronin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119606; demetra2@mail.ru